

ДИМИТРИЙ ДУДКО

“ЧТОБЫ СПАСТИСЬ, НАДО БЫТЬ ПОЭТОМ”

10 лет назад отошёл ко Господу священник Димитрий Дудко. Слава этого пастыря началась в середине 70-х годов. Тогда у клириков, находившихся под строгим приглядом уполномоченных Совета по делам религий, ещё свежи были в памяти хрущёвские гонения на Православие; страх лишиться регистрации, оставив без куска хлеба семью, обычно многочисленную, не позволял им лишний раз рта открыть. И вдруг появился батюшка, который без боязни стал говорить с народом: в субботу после Всенощной с амвона храма святителя Николая, что на московском Преображенском кладбище, он стоял перед толпой верующих и неверующих, писателей и инженеров, учёных и крестьянок из близлежащих деревень... Они до отказа заполняли небольшую церковь, а он коротко, энергично, нередко с юмором отвечал на их вопросы, в том числе самые острые.

Отец Димитрий в многочисленных публикациях и воспоминаниях предстаёт смелым борцом за веру в атеистическом государстве, исповедником, перенесшим гонения, горячим патриотом России в годы после развала СССР (чего многие диссидентствующие почитатели священника, окружённого ореолом “борца с режимом”, ему не простили), почитателем Сталина (при том, что он был узником сталинских лагерей), духовником газеты “Завтра”...

Таким образом, внимание авторов было сосредоточено преимущественно на характеристике общественно-просветительской роли отца Димитрия, заявленной им ещё в тех самых беседах с прихожанами в Никольском храме. Роль эта, безусловно, значительна и нуждается в объективной, непредвзятой оценке. Но такая характеристика будет неполной, она почти ничего не скажет о не менее, а может быть, более важных сторонах его личности. Человек огромного жизненного и духовного опыта – за его плечами был голод 1933 года, фронт, заключение, гонения за смелые проповеди, – отец Димитрий был замечательным пастырем своих, говоря церковным языком, словесных овец – тех, кого он крестил, просвещал, кому назидал, кого исповедовал и причащал. К нему тянулись тысячи нуждавшихся в том, чтобы разобраться в собственной жизни, желающих получить совет, утешение, просто погреться в тёплых лучах, исходивших от его любящего сердца, почитать свои и послушать его стихи.

Литературное творчество занимало значительное место в жизни батюшки. Он даже говорил о себе: “Я не знаю, кто я больше: священник или писатель”. Отец Димитрий дружил со многими писателями почвеннического направления – с Александром Яшиным, Михаилом Лобановым, Эрнстом Сафоновым,

которого он крестил, Владимиром Солоухиным, которого причастил умирающим. Отец Димитрий был не только писателем религиозной темы: “Христос в нашей жизни”, “Литургия на русской земле”, “Премудростью вондем” и других книг. Он одобрил и публикацию в “Нашем современнике” поэмы Юрия Кузнецова “Путь Христа”. Он автор целого ряда художественных произведений: прозы, очень разной по жанру (рассказов, автобиографических повестей, романа-хроники, притч), и стихов. У отца Димитрия был настоящий поэтический дар.

Предлагаем вниманию читателей “Нашего современника” подборку стихотворений Димитрия Дудко разных лет.

Владимир Смык

* * *

Молимся, Боже, мы, странники горькие,
Долгие годы жестоко гонимые.
Слишком у нас дни скитания долгие,
Слишком страдания неутolimые.

Господи Боже, помилуй ны!

Молимся, Боже, о семьях оставленных,
Как они плачут, тоскуют, родимые.
Молимся, Боже, о всех обесславленных,
Что нам сочувствуют, неустрашимые.

Господи Боже, помилуй ны!

Молимся, Господи, мы о расстрелянных,
В тяжких работах жестоко замученных,
В шахтах, болотах, каналах рассеянных,
Верных Тебе или верить наученных.

Господи Боже, упокой их!

Молимся, Боже, Тебе о гонителях,
Всё им прости: ведь они — ослеплённые,
Дай лишь, чтоб не было больше мучителей
И отдохнули бы все утомлённые.

Господи Боже, помилуй ны!

Яко десница Твоя всеблагая,
Яко держава Твоя всемогущая,
Дай, чтоб воскресла Россия святая,
Силою сделалась истина сущая.

Ныне и присно, навеки! Аминь!

1948

* * *

Старый год, то год моей разлуки,
Я его не видел, как он рос,
Потому что вдруг свалились муки
На меня, я молча их понёс.

Я не помню, что в России было,
Помню только холод января,
Как в морозной мгле для нас светила
С непонятной радостью заря.

Не простился, не сказал ни слова,
Слышал только долгий стук колёс.
И тайга глядит в глаза сурово,
Извлекая капли крупных слёз.

Здравствуй, Новый год! С каким приветом
Ты пришёл с родных или чужих сторон
И горишь своим великим светом,
Северный украсив небосклон?

Я смотрю на горы предо мною,
Что загородили путь к стране.
Может быть, простившийся зимою,
Я приеду к милым по весне.

И заря, которая светила,
Загорится радостью родной.
С Новым годом, дальняя Россия,
С Новым годом, с будущей весной.

1949

* * *

На перекрёстке нескольких дорог
Настигла пуля, спит солдат усталый,
Который у последнего привала
Оставил вещмешок своих тревог.

И ты, ему неведомый совсем,
Стоишь над ним... О чём ты размышляешь?
Ещё волнуешься и ничего не знаешь...
Он знает всё, глух ко всему и нем.

Пути, пересекаясь, убегают.
Бой громыхает. Муки и тоска.
Плетутся дымовые облака,
Кого-то пуля настигает...

1950

* * *

От тебя, как вести, облака
По небу плывут легко и быстро...
От тебя... А ты так далека,
Что мне трудно даже и помыслить.

Я смотрю. Желаю разгадать:
Что они, к чему, к дождю иль солнцу?
Вот как будто бы волос кудрявых прядь,
Вот лицо, как будто улыбнётся.

Молния, небесной красотой
Полыхнув, всё переводит в звуки.
Облака проходят надо мной,
Свешивают дождевые руки.

Я стою, лицо ласкает дождь,
Облакам я рад, они оттуда,
Где живёшь ты, и разлуки дрожь
Пробегает в сердце, словно чудо.

1950

Духовным детям

Вы слышите, дети, любите друг друга,
На нашей земле разгулялася вьюга.
Как раз не заметишь, собьёшься с дороги,
А в злобе своей не отыщешь подмоги.
И будешь шататься хмельным от досады,
И будут грозить тебе всякие гады.
И будут визжать они справа и слева,
Попробуй отбиться от их ты напева.
Вы слышите, дети, любите друг друга,
Чтоб нас не могла одолеть эта вьюга,
Которая так разгулялася строптиво,
Что шею свернуть — не такое уж диво.
Вы слышите, дети, любите друг друга,
Любовь — это то, чем смиряется вьюга.

1982

* * *

— Не тюрьма здесь, а монастырь, —
Мне с улыбкой понятной сказали.
Посадили молиться за мир,
За обиды его и печали.
— Келья — камера, разве не так?
— Да, всё так, — остаётся молиться.
Сами слёзы, вскипая в очах,
Заставляют пред Богом склониться.
Пощади и друзей, и врагов,
Пощади и помилуй нас, грешных.
А за мной всё глядят из глазков:
— А за нас не забыл, друг сердешный?
Помолюсь и за вас, и за тех,
Кто над вами, пред вами, под вами.
Не молиться в тюрьме — страшный грех.
Облегчается сердце слезами.

1980 Лефортово